

Редьярд Киплинг

Белый котик

RUDYARD
KIPLING

THE WHITE SEAL

Перевод с английского
Ирины Комаровой

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

БЕЛЫЙ КОТИК

Художник
Кирилл Овчинников

Ленинград «Детская литература»
Ленинградское отделение 1991

И(Англ.)
К 42

К $\frac{4804010100-189}{М101(03)-91}$ без объявл.

ISBN 5—08—000237—9

К $\frac{4804010100-189}{М101(03)-91}$ без объявл.

ISBN 5—08—000237—9

Усни, мой сыночек: так сладко качаться
Ночною порою в ложбинке волны!
А месяц всё светит, а волны всё мчатся,
И снятся, и снятся блаженные сны.

Пучина морская тебя укачает,
Под песню прибоя ты ночку проспишь;
Ни рифы, ни мели в такой колыбели
Тебе не опасны — усни, мой малыш!

Котиковая колыбельная

Всё, о чём я сейчас расскажу, случилось несколько лет назад в бухте под названием Нововосточная, на северо-восточной оконечности острова Святого Павла[1], что лежит далеко-далеко в Беринговом море.

Историю эту мне поведал Лиммершин — зимний королёк, которого прибило ветром к снастям парохода, шедшего в Японию. Я взял королька к себе в каюту, обогрел и кормил до тех пор, покуда он не набрался сил, чтобы долететь до своего родного острова — того самого острова Святого Павла. Лиммершин престранная птичка, но на его слова можно положиться.

В бухту Нововосточную не заходят без надобности, а из всех обитателей моря постоянную надобность в ней испытывают одни только котики. В летние месяцы сотни тысяч котиков приплывают к острову из холодного серого моря — и немудрено: ведь берег, окаймляющий бухту, как нарочно придуман для котиков и не сравнится ни с каким другим местом в мире.

Старый Секач хорошо это знал. Каждый год, где бы его ни застала весна, он на всех парах — ни дать ни взять торпедный катер — устремлялся к Нововосточной и целый месяц проводил в сражениях, отвоёвывая у соседей удобное местечко для своего семейства: на прибрежных скалах, поближе к воде. Секач был огромный серый самец пятнадцати лет от роду; плечи его покрывала густая грива, а зубы были как собачьи клыки — длинные и острые-преострые. Когда он опирался на передние ласты, его туловище поднималось над землёй на добрых четыре фута, а весу в нём — если бы кто-нибудь отважился его взвесить — наверняка оказалось бы фунтов семьсот, не меньше. С головы до хвоста он был разукрашен рубцами — отметинами былых боёв, но в любую минуту готов был ввязаться в новую драку. Он даже выработал особую боевую тактику: сперва наклонял голову набок, как бы не решаясь взглянуть в глаза противнику, а потом с быстротой молнии вцеплялся мёртвой хваткой ему в загривок — и тогда уж его соперник мог рассчитывать только на себя, если хотел спасти свою шкуру.

Однако побеждённого Секач никогда не преследовал, ибо это строго-настрого запрещалось Береговыми Законами. Ему нужно было всего-навсего закре-

---

[1] Остров Святого Павла — один из группы островов Прибылóва в Беринговом море, которые до 1867 года принадлежали России, а теперь входят в состав штата Аляска, США.

пить за собой добытую в боях территорию, но поскольку с приближением лета тем же занимались ещё тысяч сорок, а то и пятьдесят его собратьев, то рёв, рык, вой и гул на берегу стояли просто ужасающие.

С небольшого холма, который зовётся сопкой Гутчинсона[1], открывался вид на береговую полосу длиною в три с половиной мили, сплошь усеянную дерущимися котиками, а в пене прибоя мелькали там и сям головы новоприбывших, которые спешили выбраться на сушу и принять посильное участие в побоище. Они бились в волнах, они бились в песке, они бились на обточенных морем базальтовых скалах, потому что были так же твердолобы и неуступчивы, как люди.

Самки не появлялись на острове раньше конца мая или начала июня, опасаясь, как бы их в пылу сражения не разорвали на куски, а молодые двух-, трёх- и четырёхлетние котики — те, что ещё не обзавелись семьями, — торопились пробраться сквозь ряды бойцов подальше в глубь острова и там резвились на песчаных дюнах, не оставляя после себя ни травинки. Такие котики звались холостяками, и собиралось их ежегодно в одной только Нововосточной не меньше двух-трёх сотен тысяч.

В один прекрасный весенний день, когда Секач только что победно завершил свой сорок пятый бой, к берегу подплыла его супруга Матка — гибкая и ласко-

---

[1] Гутчинсон — владелец акционерной компании, которая с 1871 по 1890 год арендовала у России Командорские острова в Беринговом море и занималась на них котиковым промыслом.

вая, с кроткими глазами. Секач ухватил её за загривок и без церемоний водворил на отвоёванное место, проворчав:

— Вечно опаздываешь! Где это ты пропадала?

Все четыре месяца, что Секач проводил на берегу, он по обычаю котиков не ел ни крошки и потому пребывал в отвратительном настроении. Зная это, Матка не стала ему перечить. Она огляделась вокруг и промурлыкала:

— Как мило, что ты занял наше прошлогоднее место!

— Надо думать! — мрачно отозвался Секач. — Ты только посмотри на меня!

Из бесчисленных ран и царапин у него сочилась кровь, один глаз почти закрылся, а бока были изодраны в клочья.

— Ах, мужчины, мужчины! — вздохнула Матка, обмахиваясь правым задним ластом. — И почему бы вам не договориться между собой по-хорошему? У тебя такой вид, будто ты побывал в зубах у Кита-Касатки!

— Я с середины мая только и делаю, что дерусь. Нынешний год берег забит до неприличия. Местных котиков без счёта, да вдобавок не меньше сотни луканнонских[1], и всем нужно устроиться. Нет чтобы сидеть на своём законном берегу — все лезут сюда.

— По-моему, нам было бы гораздо покойнее и удобнее на Бобровом острове, — заметила Матка. — Чего ради ютиться в такой тесноте?

— Тоже скажешь — Бобровый остров! Что я, холостяк какой-нибудь? Отправься мы туда, так нас засрамят. Нет уж, голубушка, полагается марку держать.

---

[1] Луканнон — одна из бухт острова Святого Павла.

И Секач с достоинством втянул голову в плечи и расположился слегка вздремнуть, хотя ни на секунду не терял боевой готовности.

Теперь, когда все супружеские пары были в сборе, рёв котиков разносился на много миль от берега, покрывая самый яростный шторм. По самым скромным подсчётам, там скопилось не меньше миллиона голов — старые самцы и молодые мамаши, сосунки и холостяки. И всё это разнокалиберное население дралось, кусалось, верещало, пищало и ползало, то спускалось в море целыми ротами и батальонами, то выкарабкивалось на сушу, заполняло берег, насколько хватало глаз, и повзводно совершало вылазки в туман. Нововосточная постоянно окутана туманом; редко-редко проглянет солнце, и тогда капельки влаги засветятся, как россыпи жемчуга, и всё вокруг вспыхнет радужным блеском.

Посреди всей этой сутолоки и родился Котик, сын Матки. Как прочие новорожденные детёныши, он почти целиком состоял из головы и плеч, а глаза у него были светло-голубые и прозрачные, как водичка. Но мать сразу обратила внимание на его необычную шкурку.

— Знаешь, Секач, — сказала она, рассмотрев малыша как следует, — наш сынок будет белый.

— Клянусь сухой морской травой и тухлыми моллюсками! Не бывало ещё на свете белых котиков! — фыркнул Секач.

— Что поделаешь, — вздохнула Матка, — не бывало, а теперь будет.

И она запела-замурлыкала тихую песенку, которую все мамы первые полтора месяца поют своим маленьким котикам:

Плавать в море, мой маленький, не торопись:
Головёнка потянет на дно.
    На песочке резвись
    И волны берегись,
Да злодея Кита заодно.

Подрастёшь — и не будешь бояться врагов,
Уплывёшь от любого шутя;
    А покуда терпи
    И силёнки копи,
Океанских просторов дитя!

Малыш, разумеется, ещё не понимал слов. Поначалу он только ползал и перекатывался с боку на бок, держась поближе к матери, но скоро научился не

таться под ластами у взрослых, в особенности когда его папаша затевал с кем-то ссору и на скользких прибрежных камнях разгорался отчаянный бой. Матка надолго уплывала в море добывать пищу и кормила Котика только раз в двое суток, но уж тогда он наедался вволю и рос как на дрожжах.

Чуть только Котик немного окреп, он перебрался на сушу подальше от берега и примкнул к многотысячной компании своих ровесников. Они тотчас же подружились: вместе играли, как щенята, наигравшись, засыпали на чистом песке, а после снова принимались за игру. Старые самцы не удостаивали их вниманием, молодые держались особняком, и малыши могли резвиться сколько влезет.

Возвратившись с охоты, Матка сразу пробиралась к детской площадке и громко подавала голос — так овца кличет своего ягнёнка. Дождавшись, покуда Котик заверещит в ответ, она прямиком направлялась к нему, без церемоний врезаясь в толпу сосунков и расшвыривая их направо и налево. На детской площадке могло одновременно находиться до нескольких сот мамаш, которые столь же решительно орудовали передними ластами в поисках своего потомства, так что молодёжи приходилось держать ухо востро. Но Матка заранее объяснила

Котику: «Если ты не будешь бултыхаться в грязной воде, и не подцепишь чесотку, и не занесешь песок в свежую ссадину, и не вздумаешь плавать, когда на море большие волны, — ты останешься цел и невредим».

Как и маленькие дети, котики от рождения не умеют плавать, но они стараются поскорей научиться. Когда наш Котик впервые отважился ступить в воду, набежавшая волна подхватила его и понесла, и головёнка сразу потянула его на дно — в точности как пела ему мама, — а задние ласты затрепыхались в воздухе; и если бы вторая волна не выбросила его на сушу, тут бы ему и конец.

После этой истории он поумнел и стал плескаться и барахтаться в прибрежных лужах, там, где волны только мягко перекатывались через него, и при этом всё время глядел в оба — не идёт ли часом страшная большая волна. За две недели он выучился работать ластами, потому что трудился вовсю: нырял, выныривал, захлёбывался, отфыркивался, то выбирался на берег и задрёмывал на песочке, то снова спускался к воде — пока наконец не почувствовал себя в своей стихии.

И тут — вы можете себе представить, какое весёлое время началось для Ко-

тика и всех его сверстников! Чего только они не выдумывали: и ныряли под набегавшие мелкие волны; и катались на пенистых гребнях бурунов, которые выносили их на берег с шумом и плеском; и стояли в воде торчком, опираясь на хвост и почёсывая в затылке, как старые заправские пловцы; и играли в салки на скользких камнях, поросших водорослями. Бывало и так, что Котик вдруг замечал скользивший вдоль самого берега острый, похожий на акулий, плавник; и тогда, узнав Кита-Касатку — того самого, что не прочь поохотиться на несмышлёных малышей, — наш Котик стрелой летел на сушу, а плавник неторопливо удалялся, будто попал сюда по чистой случайности.

В последних числах октября котики стали покидать остров Святого Павла и уплывать в открытое море. Многие семейства объединялись между собой; битвы за лёжки прекратились, и холостякам теперь было раздолье.

— На будущий год, — сказала Котику мать, — и ты вырастешь и станешь холостяком; а пока надо учиться ловить рыбу.

И Котик тоже отправился в плаванье через Тихий океан, и Матка показала ему, как спать на спине, поджав ласты и выставив наружу один только нос. Нет

на свете лучше колыбели, чем океанские волны, и Котику спалось на них сладко.

В один прекрасный день он ощутил странное беспокойство — кожу его подёргивало и покалывало, но мать объяснила ему, что у него просто начинает вырабатываться «чутьё воды» и что такое покалыванье предвещает плохую погоду: значит, надо поскорее плыть прочь.

— Когда ты ещё немножко подрастёшь, — сказала она, — ты сам будешь знать, в какую сторону плыть, а пока что плыви за дельфином — Морской Свиньёй: уж они всегда знают, откуда ветер дует.

Мимо как раз проплывал большой косяк дельфинов, и Котик что было сил пустился за ними вдогонку.

— Как это вы узнаёте, куда плыть? — спросил он, еле переводя дух.

Вожак дельфиньей стаи повёл на него белым глазом, нырнул, вынырнул и ответил:

— Я чую непогоду хвостом, [illegible] человек! Если по хвосту бегут мурашки, это значит, что буря надвигается [illegible]. Плыви и учись! А если хвост у тебя защекочет к югу от Их Ва[illegible] (это [illegible] Экватор), то знай, что шторм

вперед, и скорей поворачивай. Плыви и учись! А вода здесь мне что-то не нравится!

Это был один из многих-многих уроков, которые получил Котик, а учился он очень прилежно. Мать научила его охотиться на треску и палтуса, подстерегая их на мелких местах, и добывать морского налима из его укромного убежища среди водорослей; научила нырять на большую глубину и подолгу оставаться под водой, обследуя затонувшие корабли, показала, как весело там можно играть, подражая рыбкам: юркнуть в иллюминатор с одного борта и пулей вылететь с другой стороны, научила в грозу, когда молнии раскалывают небо, плясать на гребнях волн и [illegible] приветствуя ластами проносящимся над водой тупохвостым альбатросам и фрегатам, научила выскакивать из воды на манер дельфинов, [illegible] ласты и [illegible] хвостом, и подлетать вверх

на три-четыре фута; научила не трогать летучих рыб, потому что они чересчур костлявые; научила на полном ходу, на глубине десяти морских саженей, вырывать из тресковой спинки самый лакомый кусок; и, наконец, научила не задерживаться и не глазеть на проходящие суда, паче всего на шлюпки с гребцами.

По прошествии полугода Котик знал о море всё, что можно было знать, а чего не знал, того и знать не стоило, и за всё это время он ни разу не ступил ластом на твёрдую землю.

Но в один прекрасный день, когда Котик дремал в тёплой воде неподалёку от острова Хуан-Фернандес[1], его вдруг охватила какая-то неясная истома — на людей нередко так действует весна, — и ему вспомнились славные родные берега Нововосточной, от которой его отделяло семь тысяч миль; вспомнились ему совместные игры и забавы, пряный запах морской травы, рёв и сражения котиков. И в ту же минуту он развернулся и поплыл на север — и плыл, и плыл без устали, и по пути десятками встречал своих товарищей, и все они плыли в ту же сторону, и все приветствовали его, говоря:

— Здоро́во, Котик! Мы все теперь холостяки, и мы будем плясать Танец Огня в бурунах Луканнона и кататься по молодой траве. Но откуда у тебя такая шкура?

---

[1]Остров Хуан-Фернандес — один из островов одноимённого архипелага в Тихом океане, у западного побережья Южной Америки

Мех у нашего Котика был теперь чисто белый, и втайне он им очень гордился, но замечаний по поводу своей внешности терпеть не мог и потому только повторял:

— Плывём скорее! Мои косточки истосковались по твёрдой земле.

И вот наконец все они приплыли к родным берегам и услышали знакомый рёв — это их папаши, старые котики, как обычно, дрались в тумане.

В ту же ночь наш Котик вместе с другими годовалыми юнцами отправился плясать Танец Огня. В летние ночи море от Луканнона до Нововосточной светится фосфорическим блеском. Плывущий котик оставляет за собою огненный след, от любого прыжка в воздух взлетает целый сноп голубоватых искр, а волны устраивают у берега настоящий праздничный фейерверк. Наплясавшись, все двинулись в глубь острова, на законную холостяцкую территорию, и катались там вволю по молоденьким росткам дикой пшеницы, и рассказывали друг другу о своих морских похождениях. О Тихом океане они говорили так, как мальчишки говорят о соседнем леске, который они облазили вдоль и поперёк, собирая орехи. И если бы кто-нибудь подслушал и запомнил их разговор, он мог бы составить такую подробную морскую карту, какая и не снилась океанографам.

Как-то раз с сопки Гутчинсона скатилась вниз компания холостяков постарше — трёх- и четырёхлеток.

— Прочь с дороги, молокососы! — заревели они. — Что вы там толкуете о море? Что вы в нём смыслите? Сперва подрастите да доплывите до мыса Горн! Эй ты, недомерок, где это ты раздобыл такую шикарную белую шубу?

— Нигде не раздобыл, — огрызнулся Котик, — сама выросла.

Но только он приготовился налететь на насмешника, как из-за высокой дюны

показалось двое людей, краснолицых и черноволосых, и Котик, никогда ещё не видевший человека, поперхнулся и втянул голову в плечи.

Холостяки подались назад на несколько шагов и уселись, тупо глядя на обоих пришельцев. Между тем один из них был не кто иной, как сам Кирьяк Бутерин, главный добытчик котиков на острове Святого Павла, а второй — его сын Пантелеймон. Они жили в селении неподалёку от котиковых лежбищ и пришли отобрать животных, которых погонят на убой (потому что котиков гонят, как домашний скот), для того чтобы потом другие люди могли изготовить из их шкур котиковые манто.

— Глянь-ка! — сказал Пантелеймон. – Белый котик!

Кирьяк Бутерин от страха сам побелел — правда, это нелегко было заметить под слоем сала и копоти, покрывавшим его плоское лицо: ведь он был алеут, а алеуты не отличаются чистоплотностью. На всякий случай он забормотал молитву.

— Не трожь его, Пантелеймон! Сколько живу, я ещё не видывал белого котика. Может, это дух старика Захарова, что потонул прошлый год в большую бурю?

— Избави Бог, я и близко не подойду, — отозвался Пантелеймон. — Не было бы худа! А ну как то и впрямь старик Захаров? Я ещё задолжал ему за чаячьи яйца!

— Не гляди на него, — посоветовал Кирьяк. — Отрежь-ка от стада вон тот косячок четырёхлеток. Хорошо бы пропустить сотни две, да сегодня первый день, ребята ещё руку не набили, для начала будет с них и сотни. Давай!

Пантелеймон затрещал под носом у холостяков самодельной трещоткой из моржовых костей, и животные замерли, пыхтя и отдуваясь. Тогда он двинулся прямо на них, и котики стали отступать, а Кирьяк обошёл их с тыла и направил в глубь острова — и все покорно заковыляли наверх, даже не пытаясь повернуть обратно. Их гнали вперёд на глазах у сотен и сотен тысяч их же товарищей, а те продолжали резвиться как ни в чём не бывало.

Белый Котик был единственный, кто кинулся к старшим с вопросами, но никто ему не мог толково ответить — все твердили, что люди всегда вот так приходят и угоняют холостяков неизвестно куда, и длится это полтора-два месяца в году.

— Коли так, то пойду-ка и я за ними, — объявил наш Котик и пустился во всю прыть догонять косяк. Он так спешил, что глаза у него чуть не вылезли из орбит от напряжения.

— Белый нас догоняет! — закричал Пантелеймон. — Виданное ли дело, чтобы зверь по своей охоте шёл на убой?

— Ш-ш! Не оглядывайся, — сказал Кирьяк. — Как пить дать, это Захаров. Не забыть бы сказать попу!

До убойного места было не больше полумили, однако на этот путь ушёл добрый час: Кирьяк знал, что если зверей гнать слишком быстро, то они «загорят», как выражаются промышленники, мех станет вылезать, и на свежеснятых шкурах образуются проплешины.

Поэтому процессия двигалась медленно: она миновала перешеек Морских Львов, Зимовье Вебстера и наконец добралась до засольного сарая, откуда уже не виден был усеянный котиками берег.

Наш Котик по-прежнему шлёпал в хвосте, пыхтя и недоумевая. Он решил бы, что здесь уже конец света, когда бы не слышал за собою рёв своих сородичей на лежбище, похожий на грохот поезда в туннеле.

Кирьяк уселся на замшелую кочку, вытащил из кармана оловянные часы-луковицу и дал животным остыть полчаса. Так они сидели друг против друга, и

Котик слышал, как стучат по земле капли буса[1], скатываясь с шапки Бутерина. Потом появилось ещё десятка с полтора людей, вооружённых дрыгалками — трёхфутовыми окованными железом дубинками. Кирьяк указал им зверей, «загоревших» во время отгона или покусанных другими, и люди ударами грубых сапог из моржовой кожи отшвырнули их в сторону; и тогда Кирьяк крикнул: «Поехали!», и люди с дубинками, кто во что горазд, замолотили котиков по голове.

Спустя десять минут всё было кончено: на глазах у Котика его товарищей освежевали, вспарывая туши от носа к задним ластам, и на земле выросла груда окровавленных шкур.

Такого Котик вынести уже не мог. Он повернулся и галопом помчался к берегу (котики способны проскакать небольшое расстояние очень быстро), и его недавно только отросшие усы топорщились от ужаса. Добравшись до пере-

---

[1] Бус — местное название мокрого прибрежного тумана.

шейка Морских Львов, обитатели которого нежились в пене прибоя, он кубарем скатился в воду и принялся раскачиваться в бессильном отчаянии, горько-прегорько всхлипывая.

— Что ещё там стряслось? — брюзгливо обратился к нему один из Морских Львов (обыкновенно они держатся особняком и ни во что не вмешиваются).

— *Скучно! Очень скучно!* — пожаловался Котик. — Убивают холостяков! Всех холостяков убивают!

Морской Лев повернул голову в ту сторону, где находились котиковые лежбища.

— Вздор! — пробурчал он. — Твои родичи галдят как ни в чём не бывало. Ты, верно, видел, как старик Бутерин обработал какой-нибудь косяк? Так он это делает уже почитай лет тридцать.

— Но ведь это ужасно! — сказал Котик, и тут как раз на него накатила волна; однако он сумел удержать равновесие и с помощью ловкого манёвра ластами остановился в воде как вкопанный — в трёх дюймах от острого края скалы.

— Недурно для одногодка! — одобрительно заметил Морской Лев, умевший оценить хорошего пловца. — Да, ты, пожалуй, прав — приятного тут мало, но ведь вы, котики, сами виноваты. Если вы из года в год упорно возвращаетесь на старые места, люди привыкают смотреть на вас как на свою законную добычу. Видно, вам на роду написано подставлять голову под дубинку — разве что отыщется для вас остров, куда не смогут добраться люди.

— А нет ли где такого острова? — поинтересовался Котик.

— Я двадцать лет без малого охочусь на палтуса, но безлюдных островов не

встречал. Впрочем, ты, я вижу, не робкого десятка и очень любишь приставать к старшим с расспросами. Плыви-ка ты на Моржовый остров и разыщи там Сивуча. Может, и услышишь от него что-нибудь дельное. Да погоди, не кидайся ты сразу плыть! Дотуда добрых шесть миль, и на твоём месте, голубчик, я бы сперва вылез на берег и часок соснул.

Котик послушался доброго совета: доплыл до своего берега, вылез на сушу и поспал полчаса, то и дело вздрагивая всей кожей — такая уж у котиков привычка. Проснувшись, он тут же пустился в путь к Моржовому острову. Так называют небольшой островок, что лежит к северо-востоку от Нововосточной. На его скалистых уступах испокон веку гнездятся чайки, и, кроме птиц да моржей, там никого и нет.

Наш Котик сразу отыскал Сивуча — огромного, уродливого, неповоротливого тихоокеанского моржа с длиннющими клыками, покрытого противными наростами и страшно невоспитанного. Выносить общество Сивуча можно только когда он спит, а в этот миг он как раз почивал сном праведника, выставив из воды задние ласты.

— Эй! Проснись! — рявкнул Котик что было сил — ему надо было перекричать чаек.

— Ха! Хо! Хм! Что такое? — сонно прохрипел Сивуч и на всякий случай ткнул клыками в бок своего соседа и разбудил его, а тот разбудил моржа, спавшего рядом, а тот следующего — и так далее, так что вскоре вся моржовая колония проснулась и недоуменно захлопала глазами, но Котика никто не замечал.

— Эге-гей! Вот он я! — крикнул Котик, подскакивая на волнах, как белый мячик.

— Ах, чтоб меня... ободрали! — произнёс с расстановкой Сивуч, и все моржи поглядели на Котика — в точности так, как поглядели бы на дерзкого, шумливого мальчишку пожилые завсегдатаи лондонского клуба, расположившиеся в креслах вздремнуть после обеда.

Котику решительно не понравилось выражение, которое употребил Сивуч: слишком живо стояла перед ним картина, с этим связанная. Поэтому он приступил прямо к делу и крикнул:

— Не знаешь ли ты такого места для котиков, где нет людей?

— Ступай поищи, — ответил Сивуч, снова прикрыв глаза. — Плыви своей дорогой. У нас тут дела поважнее.

Тогда наш Котик подпрыгнул высоко в воздух и заорал во всю глотку:

— Слизнеед! Слизнеед!

Он знал, что Сивуч не поймал за всю жизнь ни одной рыбки и кормится водорослями да слизняками-моллюсками, хотя и строит из себя необыкновенно грозную персону. Разумеется, все птицы, сколько их было на острове — и глупыши, и топорки, и говорушки, и чайки-ипатки, и чайки-моёвки, и чайки-бургомистры, которых хлебом не корми, только дай понасмешничать, — все до одной тотчас же подхватили этот крик, и если верить Лиммершину, минут пять на острове стоял такой гам, что даже пушечного выстрела никто бы не услышал. Всё пернатое население что было мочи верещало и вопило: «Слизнеед! *Старик!*», а бедняга Сивуч знай кряхтел да ворочался с боку на бок.

— Ну? Теперь скажешь? — еле выдохнул Котик.

Ступай спроси у Морских Коров[1], — буркнул Сивуч. — Если они ещё плавают в море, они тебе скажут.

— А как я узна́ю Морских Коров? Какие они? — спросил Котик, отчаливая от берега.

— Изо всех Жителей Моря они самые мерзкие на вид! — прокричала одна особенно нахальная Чайка-Бургомистр, кружась перед самым носом у Сивуча. — Они ещё противнее, чем Сивуч! Ещё противнее и ещё невоспитаннее! *Стари-и-ик!*

Провожаемый пронзительными воплями чаек, Котик поплыл назад к Ново-

---

[1] М о р с к а я к о р о в а, или Стеллерова корова — млекопитающее отряда сирен. Обитала у Командорских островов; вид считался вымершим уже во второй половине XVIII века.

восточной. Но когда он поделился с сородичами своим намерением отыскать в море остров, где котики могли бы жить в безопасности, то сочувствия он не нашёл. Все в один голос твердили ему, что отгон — дело обычное, что так уж исстари повелось и что нечего было соваться на убойную площадку, коль скоро он такой впечатлительный. Правда, тут имелась одна существенная разница: никто из котиков воочию не видел, как бьют ихнего брата. Кроме того, как вы помните, наш Котик был белый.

Старый Секач, прослышав о похождениях сына, заметил:

— Думай-ка лучше о том, чтоб поскорее подрасти, да стать, как твой отец, большим и сильным, да завести семью — и никто тебя пальцем не тронет. Лет через пяток ты отлично сумеешь за себя постоять.

И даже кроткая Матка сказала:

— Ты не сможешь ничего изменить, Котик. Плыви поиграй.

И Котик поплыл в море, но даже когда он плясал Танец Огня, на сердце у него было невесело.

В ту осень он покинул родные берега в числе первых и пустился в дальний путь в одиночку, потому что в его упрямой головёнке засела тайная мысль: во что бы то ни стало отыскать Морских Коров, если только они взаправду существуют, и с их помощью найти безлюдный остров, где котики могли бы жить в довольстве и покое. И он обшарил весь Тихий океан вдоль и поперёк, и пересёк его с севера на юг, проплывая до трёхсот миль в сутки. На пути с ним было столько приключений, что ни в сказке сказать, ни пером описать: он еле спасся от Гигантской Акулы, ускользнул от Пятнистой Акулы, увильнул от Молот-Рыбы, перевидал всех бороздящих океан бездомных бродяг, болтунов и бездельников, свёл знакомство с важными и чинными глубоководными рыбами, побеседовал с пёстрыми моллюсками-гребешками, которые кичатся тем, что прочно приросли к морскому дну и сотни лет не двигаются с места; но ни разу он не встретил Морских Коров и нигде не обнаружил островка, который пришёлся бы ему по вкусу.

Если берег [illegible] удобный и при этом достаточно отлогий, чтобы по нему легко было [illegible], то на горизонте непременно виднелся дымок

китобойного судна, на котором топили ворвань, а Котик уже знал, что это значит. На многих островах он находил следы пребывания своих родичей, истреблённых людьми, а Котик знал и то, что, посетив какой-либо берег однажды, люди снова вернутся туда.

Он свёл дружбу с одним старым тупохвостым альбатросом, который порекомендовал ему остров Кергелен[1], где всегда царит тишина и покой; но по пути туда наш Котик попал в ужасную грозу с градом и чуть не расстался с жизнью среди щербатых береговых утёсов. Отчаянно борясь с ветром, он всё же пробился к острову и увидел, что и на Кергелене жили когда-то котики. И так было со всеми островами, где он побывал.

Лиммершин назвал мне все эти острова, и перечень получился длинный, потому что Котик провёл в странствиях целых пять лет, лишь на четыре месяца в году возвращаясь домой, в Нововосточную, где все потешались над ним и над

[1] Остров Кергелен – крупнейший остров одноимённого архипелага в южной части Индийского океана.

его несуществующими островами. Он побывал на засушливых Галапагосских островах[1], расположенных на самом экваторе, и чуть не испёкся там заживо; он побывал на островах Джорджии[2], на Оркнейских островах[3], на островах Зелёного Мыса[4], на Малом Соловьином острове[5], на острове Гофа[6], на острове Буве[7], на островах Крозе[8] и ещё на крохотном безымянном островке южнее

---

[1] Галапагосские острова — архипелаг в южной части Тихого океана.

[2] Острова Джорджии — группа небольших островов у западного побережья Канады.

[3] Оркнейские острова — группа островов в Атлантическом океане, у северной оконечности Шотландии.

[4] Острова Зелёного Мыса — архипелаг у западного побережья Африки.

[5] Малый Соловьиный остров — часть архипелага Тристан-да-Кунья в Атлантическом океане.

[6] Остров Гофа — небольшой островок к юго-востоку от архипелага Тристан-да-Кунья.

[7] Остров Буве — необитаемый остров у южного побережья Африки.

[8] Острова Крозе — группа островов в южной части Индийского океана.

мыса Доброй Надежды[1]. И повсюду он слышал от Жителей Моря одну и ту же историю: было время, когда в этих местах водились котики, но люди истребили их всех. Даже когда наш путешественник, возвращаясь с острова Гофа, отклонился от курса на много тысяч миль и добрался до мыса Корриентес[2], он обнаружил на прибрежных утёсах сотни три жалких, облезлых котиков, и они рассказали ему, что и сюда нашли дорогу люди.

Тут уж сердце его не выдержало, и он обогнул мыс Горн и решил плыть на север, домой. По пути он сделал остановку на небольшом островке, густо поросшем зелёными деревьями, и там набрёл на старого-престарого, доживавшего свой век котика. Наш герой стал ловить для него рыбу и поведал ему все свои горести.

— А теперь, — сказал он напоследок, — я решил вернуться домой, и пускай меня гонят на бойню: мне уже всё равно.

— Погоди, не отчаивайся, — посоветовал его новый знакомец. — Я последний из погибшего племени котиков с острова Масафуэра[3]. Давным-давно, когда люди били нас сотнями тысяч, по берегам ходили слухи, что будто бы настанет такой день, когда с севера приплывёт белый котик и спасёт весь наш народ. Я стар и не доживу до этого дня, но, может быть, его дождутся другие. Попытайся ещё разок!

Котик гордо закрутил свои усы (а усы у него выросли роскошные) и сказал:

— На целом свете есть только один белый котик — это я; и я единственный котик на свете, неважно — белый или чёрный, который придумал, что надо отыскать новый остров.

Произнеся это, он опять ощутил прилив сил; но когда он добрался до дому, мать стала упрашивать его нынче же летом жениться и обзавестись семейством: ведь Котик был уже не холостяк, а самый настоящий секач. Он отрастил густую, волнистую белую гриву и с виду был такой же грузный, мощный и свирепый, как и его отец.

— Позволь мне повременить ещё год, — упорствовал Котик. — Мне тогда исполнится семь, а ты ведь знаешь, что семь — число особое: недаром седьмая волна дальше всех выплёскивает на берег.

По странному совпадению, среди знакомых Котика нашлась одна молодая особа, которая тоже решила годик повременить до замужества; и Котик плясал с ней Танец Огня у берегов Луканнона в ночь перед тем, как отправиться в своё последнее путешествие.

На сей раз он поплыл в западном направлении, преследуя большой косяк палтуса, поскольку теперь ему требовалось не менее ста фунтов рыбы в день, чтобы сохранить кондицию. Котик охотился, пока не устал, а потом свернулся и улёгся спать, покачиваясь в ложбинках волн, омывающих остров Медный[4]. Окрестность он знал назубок; поэтому, когда его вынесло на мель и мягко стук-

---

[1] Мыс Доброй Надежды — мыс на южной оконечности Африки.

[2] Мыс Корриентес — мыс на восточном побережье Аргентины.

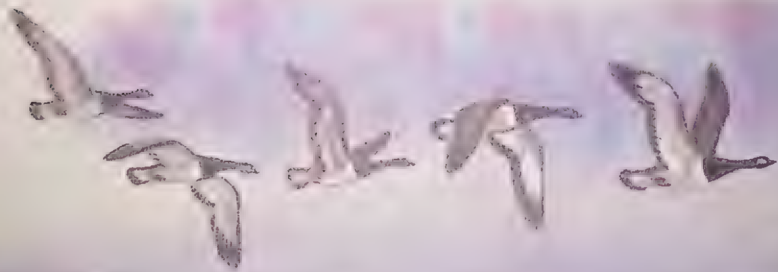
[3] Остров Масафуэра — один из группы островов Хуан-Фернандес у западного побережья Южной Америки.

[4] Остров Медный — небольшой островок в Беринговом море.

нуло о водоросли на дне, он тут же проснулся, пробурчал: «Гм-гм, прилив сегодня сильный!», перевернулся на другой бок, открыл под водой глаза и сладко потянулся. Но тут же он, как кошка, подскочил кверху, и сон у него как рукой сняло, потому что совсем рядом, на отмели, в густых водорослях паслись и громко чавкали какие-то несусветные создания.

— Бур-р-руны Магеллана! — буркнул Котик себе в усы. — Это ещё кто такие, кит их побери?

Создания и впрямь имели престранный вид и не похожи были ни на кита, ни на акулу, ни на моржа, ни на тюленя, ни на белуху, ни на нерпу, ни на ската, ни на спрута, ни на каракатицу. У них было веретенообразное туловище, футов двадцать или тридцать в длину, а вместо задних ластов — плоский хвост, ни дать ни взять лопата из мокрой кожи. Голова у них была самой нелепой формы, ка-

кую только можно вообразить, а когда они отрывались от еды, то начинали раскачиваться на хвосте, церемонно раскланиваясь на все стороны и помахивая передними ластами, как толстяк в ресторане, подзывающий официанта.

— Гм-гм! — произнёс Котик. — Хороша ли охота, почтеннейшие?

Вместо ответа загадочные существа продолжали помахивать ластами и кланяться, точь-в-точь как дурацкий Лакей-Лягушка из «Алисы в Стране Чудес». Когда они опять принялись за еду, Котик увидал, что верхняя губа у них раздвоена: обе половинки то расходились в стороны на целый фут, то вновь сдвигались, захватив здоровенный пук водорослей, который затем торжественно отправлялся в рот и с шумом пережёвывался.

— Неопрятно вы как-то едите, господа, — заметил Котик и, слегка раздосадованный тем, что его слова остались без внимания, продолжал: — Ладно, ладно, если у вас в передних ластах есть лишний сустав, нечего этим так уж козырять. Кланяться-то вы умеете, но я хотел бы знать, как вас зовут.

Раздвоенные губы шевелились и подёргивались, зеленоватые стеклянные глаза в упор глядели на Котика, но ответа он по-прежнему не получал.

— Вот что я вам скажу! — в сердцах объявил Котик. — Изо всех Жителей Моря вы самые мерзкие на вид! Вы ещё хуже Сивуча! И ещё невоспитаннее!

И вдруг его осенило — он вспомнил, что прокричала тогда Чайка-Бургомистр на Моржовом острове, и понял, что наконец нашёл Морских Коров.

Пока они паслись на дне, сопя и чавкая, Котик подплыл поближе и принял-

ся засыпать их вопросами на всех известных ему морских наречиях. Обитатели морей, как и люди, говорят на разных языках, а Котик за время своих странствий изрядно понаторел в этом деле. Но Морские Коровы молчали по одной простой причине: они лишены дара речи. У них только шесть шейных позвонков взамен положенных семи, и бывалые морские жители уверяют, что именно поэтому они не способны переговариваться даже между собой. Зато у них в передних ластах, как вы уже знаете, имеется лишний сустав, и благодаря его подвижности Морские Коровы могут обмениваться знаками, напоминающими сигнализацию флажками, которая принята на кораблях.

Бедняга Котик бился с ними до самого рассвета, покуда грива у него не встала дыбом, а терпенье не лопнуло, как скорлупа рака отшельника. Но к утру Морские Коровы потихоньку двинулись в путь, держа курс на север. То и дело они

останавливались и принимались раскланиваться, как бы молчаливо совещаясь, потом плыли дальше, и Котик плыл за ними. Про себя он рассудил так: «Если эти бессмысленные твари смогли уцелеть в океане, если их не перебили всех до единой — значит, они нашли себе какое-то надёжное прибежище, а что годится для Морских Коров, сгодится и для котиков. Только плыли бы они чуть побыстрее!»

Нелегко приходилось Котику: стадо Морских Коров проплывало всего миль сорок — пятьдесят в сутки, на ночь останавливалось кормиться и всё время держалось близко к берегу. Котик прямо из кожи вон лез — он плавал вокруг них, плавал над ними, плавал под ними, но расшевелить их никак не удавалось. По мере продвижения к северу они всё чаще останавливались для своих безмолвных совещаний, и Котик чуть было не отгрыз себе усы от досады, но вовремя заметил, что плывут они не наобум, а придерживаются тёплого течения — и тут он впервые проникся к ним известным уважением.

Однажды ночью они вдруг стали резко погружаться, словно пущенные ко дну камни, и поплыли с неожиданной быстротой. Изумлённый Котик кинулся их догонять — до сих пор ему и в голову не приходило, что Морские Коровы способны развить такую скорость. Они подплыли прямо к подводной гряде скал, перегораживавшей дно на подходе к берегу, и стали одна за другой нырять в чёрное отверстие у подножья гряды, на глубине двадцати саженей.

Нырнув вслед за ними, Котик очутился в тёмном подводном туннеле — и плыл, и плыл так долго, что стал уже задыхаться, но тут как раз туннель кончился, и Котик, словно пробка, выскочил на поверхность.

— Клянусь гривой! — вымолвил он, глотнув свежего воздуха и отфыркиваясь. — Стоило попотеть, чтобы сюда попасть!

Морские Коровы расплылись в разные стороны и теперь толклись, лениво пощипывая водоросли, у острова такой красоты, каких Котик и во сне не видел.

На много миль вдоль берега тянулись гладкие, плоские каменные террасы, как нарочно созданные для котиковых лежбищ; за ними в глубь суши полого поднимались песчаные укатанные пляжи, на которых могли резвиться малыши. Здесь было всё, чего только можно пожелать: волны, чтобы плясать на них, высокая трава, чтобы на ней нежиться, дюны, чтобы влезать на них и скатываться вниз. И самое главное — Котик понял благодаря особому чутью, которое никогда не обманет истинного секача, что в этих водах ещё не бывал человек.

Первым делом Котик удостоверился, что по части рыбы здесь тоже всё в порядке, а потом не торопясь обследовал береговую линию и пересчитал все восхитительные островки, наполовину скрытые живописно клубящимся туманом. С севера, со стороны моря, тянулась цепь песчаных и каменистых отмелей — надёжная защита от кораблей: ни одно судно не смогло бы подойти к островам ближе чем на шесть миль. От суши архипелаг отделялся глубоким проливом; на противоположном берегу высились неприступные отвесные скалы, а под водою, у подножья этих скал, был вход в туннель.

— Ну прямо как у нас дома, только в десять раз лучше, — сказал Котик. — Видно, Морские Коровы умнее, чем я думал. Люди — даже если бы они сюда явились — по таким скалам спуститься не смогут, а любой корабль на этих замечательных мелях в два счёта разлетится в щепки. Да, если есть в океане безопасное место, то оно тут и нигде больше!

И Котику вдруг вспомнилась его невеста, и ему захотелось поскорее вернуться к родным берегам. Но перед тем как пуститься в обратный путь, он ещё раз старательно обследовал новые места, чтобы дома рассказать о них во всех подробностях.

Потом он нырнул, отыскал и хорошенько запомнил вход в туннель и что было сил поплыл на юг. Опасаться было нечего: о существовании тайного подводного хода никто на свете ни за что не догадался бы. Котик и сам, вынырнув с противоположной стороны и оглянувшись, едва мог поверить, что проплыл под этими грозными скалами.

До Нововосточной он добирался целых шесть суток, хотя и очень спешил, и первая, кого он увидел, выйдя на сушу у перешейка Морских Львов, была его невеста, которая ждала его, как обещала. И в его глазах она сразу прочла, что он нашёл наконец свой остров.

Но когда он рассказал собратьям о своём открытии, то и холостяки, и его папаша Секач, да и все остальные котики принялись потешаться над ним, а один из его сверстников объявил:

— Слушать тебя любопытно, Котик, но, право, нельзя же так — свалиться как снег на голову и велеть нам собираться неизвестно куда. Не забывай, что мы тут кровь проливали, добывая себе лёжки, покуда ты без забот и хлопот разгуливал по морям. Ты ведь никогда ещё не дрался!

И все опять стали смеяться над Котиком, а говоривший вздёрнул голову и самодовольно покачал ею из стороны в сторону. Он как раз недавно женился и поэтому ужасно важничал.

— Верно, я не дрался, и драться мне пока незачем, — ответил Котик. — Я просто хочу увести вас туда, где вы все сможете жить в безопасности. Что толку в вечных драках?

— Ну, само собой, коли ты против драк, то я молчу, — сказал молодожён с нехорошим смешком.

— А поплывёшь ты за мной, если я тебя побью? — спросил Котик, и глаза его зажглись зелёным блеском, потому что самая мысль о драке была ему ненавистна.

— Идёт, — беспечно согласился молодожён. — Если твоя возьмёт — так тому и быть!

Не успел он договорить, как наш Котик ринулся на него и вонзил клыки в его жирный загривок. Потом он поднатужился, проволок своего обидчика по песку, хорошенько встряхнул и швырнул оземь. После этого он проревел во всеуслышанье:

— Я пять лет подряд бороздил моря для вашей же пользы! Я нашёл остров, где вам будет покойно, но добром вас не убедить. Вас надо учить по-другому. Так берегитесь!

Лиммершин говорил мне, что за всю свою жизнь — а он ежегодно наблюдает не меньше десяти тысяч сражений, — что за всю свою птичью жизнь он не видел подобного зрелища. Котик кинулся в бой очертя голову. Он напал на самого крупного секача, который ему подвернулся, схватил его за горло и колотил и молотил до тех пор, пока тот, полузадушенный, не запросил пощады; тогда он отшвырнул его прочь и принялся за следующего. Ведь наш Котик не соблюдал ежегодного летнего поста, как другие секачи; далёкие морские экспедиции помогли ему сохранить отличную спортивную форму, а самое главное — он дрался первый раз в жизни. Его роскошная белая грива ощетинилась от ярости, глаза горели, клыки сверкали — словом, он был великолепен.

Старый Секач, его отец, некоторое время следил за тем, как Котик в пылу борьбы подбрасывает в воздух солидных седых самцов, словно рыбёшек, и раскидывает холостяков направо и налево, — и наконец не выдержал и заревел что было мочи:

— Он, может быть, безумец, но он лучший боец на свете! Не тронь своего отца, сын мой! Он с тобой!

Котик издал ответный боевой клич, и старый Секач пришёл ему на помощь; усы его топорщились, он пыхтел, как паровоз, а Матка и невеста Котика притаились в укромном местечке и любовались подвигами своих повелителей. Славное было сражение! Они бились до тех пор, пока на берегу не осталось ни единого котика, который отважился бы поднять голову. И тогда отец и сын величественно прошлись взад и вперёд по полю брани, оглашая пляж победным рёвом.

Ночью, когда сквозь туман прорывались отблески северного сияния, Котик взобрался на голую скалу и окинул взглядом разорённые лёжки и своих израненных, окровавленных родичей.

— Надеюсь, — сказал он, — мой урок пойдёт вам на пользу.

— Клянусь гривой! — отозвался старый Секач, с трудом распрямляя спину, потому что и ему крепко досталось за день. — Сам Кит-Касатка не мог бы их лучше отделать! Сын, я горжусь тобой, и скажу тебе больше: я поплыву за тобой на твой остров, если, конечно, он существует.

— Эй вы, жирные морские свиньи! Кто согласен плыть за мной к туннелю Морских Коров? Отвечайте, а то я опять примусь за вас! — загремел Котик.

По берегу пронёсся рокот, еле слышный, как плеск прилива.

— Мы, мы, — выдохнули тысячи усталых голосов. — Мы согласны плыть за тобой, Белый Котик.

И Котик втянул голову в плечи и удовлетворённо прикрыл глаза. Он, правда, был теперь не белый, а красный, потому что был изранен от головы до хвоста. Но бойцовская гордость не позволяла ему ни считать, ни зализывать раны.

Неделю спустя во главе первой армии переселенцев (около десятка тысяч холостяков и старых самцов) Котик отплыл к туннелю Морских Коров, а те, кто предпочёл остаться дома, честили их безмозглыми болванами. Но по весне, когда земляки свиделись на тихоокеанских рыбных банках, первые переселенцы нарассказали столько чудес о своих островах, что всё больше и больше котиков стало покидать Нововосточную.

Разумеется, дело это было не быстрое, потому что котики от природы тугодумы и подолгу взвешивают разные за и против. Но с каждым годом всё больше их уплывало с берегов Нововосточной, Луканнона и соседних лежбищ и переселялось на счастливые, надёжно защищённые острова. Там и сейчас проводит лето наш Белый Котик: он всё растёт, жиреет и набирается сил, а вокруг него резвятся холостяки и плещет море, не знающее человека.

Знаменитый английский писатель Редьярд Киплинг (1865—1936) был автором многих рассказов, романов и повестей для взрослых, сочинил огромное количество стихов, но самую большую и долгую известность принесли ему книги для детей: «Просто сказки» и две «Книги джунглей». Уже почти сто лет их читают и перечитывают дети всего мира.

Нашим юным читателям необыкновенно повезло: на русский язык сказки Киплинга — «Слонёнок», «Откуда у Кита такая глотка», «Кошка, гулявшая сама по себе», «Откуда взялись Броненосцы» и другие — перевёл Корней Чуковский, а стихи в них — Самуил Маршак. Благодаря виртуозному искусству переводчиков русский Киплинг попал в число тех удивительных, счастливых книг, с которыми знакомятся в детстве и не расстаются всю жизнь.

В «Книги джунглей», впервые изданные в 1894 и 1895 годах, вошли не только рассказы из жизни Маугли, но и другие истории — например, «Рикки-Тикки-Тави» и «Белый Котик». Здесь у Киплинга сказочный сюжет основан на реальном знании, наполнен реальными деталями — Киплинг много путешествовал и в подробностях знал ту жизнь, о которой писал.

Действие «Белого Котика» происходит в местах, исторически связанных с Россией, поэтому Киплинг ввёл в свой текст русские имена и даже отдельные русские слова, которые ему понравились и запомнились (в нашем издании такие слова выделены курсивом). По-русски он назвал и многих персонажей: это Секач, Матка, Сивуч, холостяки, говорушки. Отметим ещё одно, необычное для того времени стечение обстоятельств: автор сказки — англичанин, написана она была в Америке, в штате Вермонт, где Киплинг с семьёй прожил несколько лет, герой сказки странствует по всему свету, а зовут его русским именем — Котик.

2 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редьярд Киплинг

БЕЛЫЙ КОТИК

Перевод с английского *И. Комаровой*

Ответственный редактор *Е. М. Стрельцова.* Художественный редактор *С. Б. Борин*
Технический редактор *О. Е. Иванова.* Корректор *Т. Г. Янина*

ИБ 12189

Сдано в набор 15.02.91. Подписано к печати 23.09.91. Формат $84 \times 100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 20,28. Уч.-изд. л. 6,91. Тираж 300 000 экз. Заказ № 809. Цена 2 р. 40 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. 2-я фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редьярд Киплинг

БЕЛЫЙ КОТИК

Перевод с английского *И. Комаровой*

Ответственный редактор *Е. М. Стрельцова.* Художественный редактор *С. Б. Борин*
Технический редактор *О. Е. Иванова.* Корректор *Т. Г. Янина*

ИБ 12189

Сдано в набор 15.02.91. Подписано к печати 23.09.91. Формат 84×100 1/16. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 20,28. Уч.-изд. л. 6,91. Тираж 300 000 экз. Заказ № 809. Цена 2 р. 40 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190